

Т.И. Трошина*

УГРОЗА ГОЛОДА И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПАТРОНАЖ
КАК ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ЖИЗНИ
И ПОВЕДЕНЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ НАСЕЛЕНИЯ
СЕВЕРНЫХ ГУБЕРНИЙdoi:10.31518/2618-9100-2026-4-7
УДК 94:332(470.1/.2)"16/19"*Выходные данные для цитирования:**Трошина Т.И. Угроза голода и государственный патронаж как факторы формирования образа жизни и поведенческих моделей населения северных губерний // Исторический курьер. 2026. № 4 (48). С. 117–131.**URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-07.pdf>*

T.I. Troshina*

THE THREAT OF FAMINE AND STATE PATRONAGE
AS FACTORS IN SHAPING THE LIFESTYLE
AND BEHAVIORAL PATTERNS OF THE POPULATION
OF THE NORTHERN PROVINCES

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-7

*How to cite:**Troshina T.I. The Threat of Famine and State Patronage as Factors in Shaping the Lifestyle and Behavioral Patterns of the Population of the Northern Provinces // Historical Courier, 2026, No. 4 (48), pp. 117–131.**[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-07.pdf>]*

Abstract. Food insecurity can lead to social destabilization, exacerbation of hunger and the negative consequences of malnutrition, population migration, and social conflict. This article examines these processes using the example of the northern territories of European Russia, where, in addition to the challenges associated with risky farming and higher prospects for industrial development due to natural resource wealth, there were also specific features associated with the specific nature of population formation. Therefore, the social consequences of the “hunger years”, on the one hand, strengthened the role of state institutions, and on the other, created specific conditions for sociopolitical crises. This article reviews the food situation in the north of European Russia, focusing on the development of a population that placed excessive demographic pressure on the surrounding landscape, which was ill-suited for agriculture. Under the conditions of sporadic industrial booms, which occurred here beginning in the 17th and 18th centuries, and especially since the late 19th century, with the onset of industrialization, the population was able to shift to other means of earning a living, enabling them to purchase the food they needed. Providing for the non-agricultural population brought here for defense purposes became a matter for the state. In critical circumstances, state food aid was also provided to the local population, fostering dependency. Based on an analysis of a large number of sources dating from the 18th to the first decades of the 20th centuries, the author explains the motivations and sentiments of the population of the northern provinces in the 1916–1920s in terms of their evolving social experience. Disruptions in food supplies from grain-producing provinces led to the usual consequences of such conditions: the ruralization of urban residents, rural migration, diversification of income sources, and a return to self-sufficiency. Regional peculiarities included support during the civil war for the political regime that could provide food; conflicts along territorial lines, which, during discussions about the “fair distribution of food”, divided provinces, counties, and volosts into “non-producing” and “agricultural” areas.

Keywords: natural and climatic conditions, population, self-support, state food policy, Northern European Russia.

* **Татьяна Игоревна Трошина**, доктор исторических наук, профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия; Северный медицинский государственный университет, Архангельск, Россия, e-mail: tatr-arh@mail.ru

Tatyana Igorevna Troshina, Doctor of Historical Sciences, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia; Northern Medical State University, Arkhangelsk, Russia, e-mail: tatr-arh@mail.ru

The article has been received by the editor on 24.04.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Отсутствие продовольственной безопасности может привести к дестабилизации общества, усугублению голода и негативных последствий недоедания, миграции населения и социальным конфликтам. В статье эти процессы рассмотрены на примере северных территорий Европейской России, где, помимо проблем, связанных с рискованным земледелием, и более высоких, в связи с сырьевыми богатствами, перспектив промышленного развития, были и особенности, обусловленные спецификой формирования здесь населения. Поэтому социальные последствия «голодных лет», с одной стороны, усиливали роль государственных институтов, с другой – создавали специфические условия для протекания здесь социально-политических кризисов. Предметом статьи является обзор продовольственной ситуации на севере Европейской России в аспекте формирования здесь населения, создавшего излишнее демографическое давление на возможности вмещающего ландшафта, мало приспособленного для земледелия. В условиях промышленных подъемов, которые эпизодически происходили здесь начиная с XVII–XVIII и особенно с конца XIX в. с началом индустриализации, население получило возможность переориентироваться на другие способы заработка, позволявшие закупать недостающее продовольствие. Обеспечение неземледельческого населения, доставленного сюда для выполнения задач обороны, стало делом государства. Государственная продовольственная помощь стала оказываться в критических обстоятельствах и местному населению, формируя у него иждивенческие ожидания. По мнению автора, сложившемуся в результате анализа большого количества источников, относящихся к XVIII – первым десятилетиям XX в., мотивацию и настроения населения северных губерний в 1916–1920-е годы можно объяснить сформировавшимся социальным опытом. Перебои с доставкой продовольствия из хлебоборodных губерний приводили к обычным в таких условиях последствиям: рурализации городских жителей, миграциям сельского населения, диверсификации источников дохода, возвращению к самообеспечению. Региональными особенностями стала поддержка в условиях гражданской войны того политического режима, который имел возможность обеспечивать продовольствием; конфликты по территориальному принципу, разделившие при обсуждении вопроса о «справедливом распределении продовольствия» губернии, уезды, волости на «непроизводящие» и «земледельческие».

Ключевые слова: природно-климатические условия, население, самообеспечение, государственная продовольственная политика, европейский север России.

Статья поступила в редакцию 24.04.2026 г.

Столичные события 1917 года поставили вопрос взаимосвязи наличия продовольственных запасов и политических настроений граждан. Учитывая исторический опыт, в советское время население крупных промышленных центров и так называемых «закрытых городов» находилось на особом обеспечении¹. Отдаленные и труднодоступные территории, где население следовало сохранять в экономических и оборонных интересах государства, обеспечивались «северными завозами»². В отношении других категорий населения оставался расчет на их способность к самообеспечению, что и в Новейшее время оставалось особенностью России, обладающей огромными территориями.

¹ Рясков С.А. Система жизнеобеспечения закрытых городов Урала. Екатеринбург, 2004.

² Васильев В.В. Ретроспективный анализ этапов формирования «северного завоза» на севере России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2018. № 2 (58). С. 146–155.

Проблемы, связанные как с нарушением государственной системы обеспечения, так и с подрывом по разным причинам способности населения к самообеспечению, исследуются в исторической ретроспективе, а также как возможность «выживания» в изменяющихся условиях³. Современные историки вслед за П.А. Сорокиным⁴ обращают внимание на девиантные «формы выживания» в результате резкого изменения жизни прежде всего на примере горожан⁵. Исследовательский интерес историков смещается на изучение региональных аспектов «фактора голода», в том числе его влияния на производящие слои населения – крестьянство⁶.

«Голодовки» сопровождали человечество на протяжении всей его истории, сохранялись и после «второй продовольственной революции», которая в России началась с конца XIX в. Наиболее тяжелые последствия имели события 1891–1892, 1921–1923, 1932–1933, 1947 гг., объяснявшиеся не только неурожаями, но социальными или экономическими причинами, в частности логистическими проблемами, не позволившими вовремя подвезти продовольствие из более благополучных регионов страны. Для крестьянского населения регулярные и потому привычные неурожай означали недостаток питательных веществ, что способствовало росту заболеваемости. При этом сохраняющаяся отсталость сельского хозяйства и полунатуральные формы его ведения способствовали самообеспечению, позволяя выжить в сложные времена не только крестьянам, но и жителям городов, нередко вчерашним крестьянам, не утратившим еще навыков сельского труда.

В результате на рубеже XIX–XX вв. было распространено убеждение, что грядущие войны окажут на Россию менее разрушительное воздействие, чем на индустриальные державы, и население сможет относительно безболезненно перенести последствия разрыва мировых экономических связей⁷.

Первая мировая война, казалось бы, разрушила подобные представления; Россия уже на третий ее год вошла в полосу революций, Гражданскую войну, изнурительный восстанавительный период. С другой стороны, революции произошли в Германии и Австро-Венгрии, где закончились довольно быстро, не перейдя на уровень затяжной гражданской войны. В России же у населения хватило сил и ресурсов еще несколько лет «кормить» противоборствующие армии, а также многочисленные «разноцветные» повстанческие отряды. Историками высказывается мнение, что не последней целью жестко проводившейся продразверстки, при которой у населения изымались не только излишки продовольствия, но нередко и семенное зерно, было лишить крестьян возможности поддерживать повстанцев⁸. Действительно, несмотря на катастрофические для государства политические и экономические последствия военно-революционного времени, имевшиеся у населения навыки и возможности заниматься самообеспечением позволили не только выдержать долгую, продол-

³ Кузищин В.И. Угроза голода как фактор исторического развития // Вестник Московского университета. 2009. № 7. С. 41–48; Козлов В.Ф. Экономические проблемы продовольственного обеспечения Европейского Севера в условиях социально-экономической нестабильности (на материалах Архангельской области): дис. ... д-ра экон. наук. Архангельск, 2000; Прасулов В.И., Кашурников С.Н. Риски продовольственной безопасности в России в условиях санкций // Прикладные экономические исследования. 2016. № 4 (14). С. 17–23.

⁴ Сорокин П.А. Голод как фактор: влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М., 2003.

⁵ См.: Федоров А.Н. «Стратегии выживания» российского горожанина в условиях революционных перемен (1917–1920 годы) // Исторический ежегодник. Новосибирск, 2008. С. 110–124; Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001; и др.

⁶ Голодовки в истории России XVIII–XX веков. Оренбург, 2013; Кондрашин В.В., Корнилов Г.Е. История голода и эпидемий в России: историографическая ситуация // Уральский исторический вестник. 2021. № 1 (70). С. 6–13; Марченя П., Разин С., Ионов И. Крестьянство и власть в истории России XX века: По итогам международного круглого стола // Общественные науки и современность. 2012. № 3. С. 79–95.

⁷ Блюх И.С. Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношении. СПб., 1898. Т. 4. С. 7; Туган-Барановский М.И. Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии // Вопросы мировой войны. Пг., 1915. Т. 2. С. 269–324.

⁸ Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России. Власть и массы. М., 1997.

жавшуюся с 1914 по 1920 г. войну, но и дальнейшие «социалистические эксперименты», включая коллективизацию и индустриализацию⁹.

Региональная специфика. Разрушение государственной машины в результате событий 1917 г. повлияло на северное крестьянство иначе, чем в земледельческих губерниях, где население стремилось к самоизоляции, имея возможность полностью обеспечить себя всем необходимым, обменивая излишки на нужные товары или переводя их на спиртные напитки. Иначе обстояло дело в крупных индустриальных центрах, что вполне объяснимо, а также в малонаселенных и отдаленных территориях, военно-стратегическое, а затем экспортно-сырьевое значение которых ставило их в зависимость от государственного обеспечения. К таким регионам относятся северные территории Европейской России, система продовольственного обеспечения которых имеет приличную историографию. Сошлемся на качественный историографический анализ, представленный в диссертации сыктывкарского историка С.И. Чудова¹⁰. Столь обширная и разнообразная научная литература ставит вопрос о взаимосвязи всего комплекса исторических фактов, включая хозяйственные особенности Русского Севера, причины конфликтов между крестьянством и властью, усилия государства по оказанию помощи населению в экстремальных условиях, с конкретными проявлениями коллективного и индивидуального поведения в переломный период революции и гражданской войны.

Понятие голода здесь было относительным; недостаток хлеба можно было пополнить другими видами пищевых продуктов (рыба, дичь, дикоросы); голод, как продовольственный, так и товарный, небезосновательно связывался там с политикой государства, настаивавшего на неэквивалентном товарообмене. В революционный период такая политическая мотивация, как «вопрос о хлебе», более касался справедливого распределения ресурсов. Но именно этот вопрос выступал как важный довод в общении с властями. Причинами была не только революционная пропаганда, но и предшествующий народный опыт, что успешно исследуется в рамках такого научного направления, как крестьяноведение¹¹.

Остановимся на особенностях формирования населения европейского севера России в малопригодных для занятий сельским хозяйством природно-климатических условиях. История человечества показывает особые адаптивные способности носителей аграрной культуры. И на севере крестьяне, прикладывая немало труда, могли получать весьма высокий урожай, хотя и в недостаточном для пропитания количестве, пополняя недостаток собственного хлеба за счет обмена на продукцию промыслов. Военно-политическое и экономическое значение этого региона способствовало привлечению сюда большого количества непроизводящего населения (военнослужащих, фабрично-заводских рабочих), что создавало излишнее демографическое давление на ресурсы вмещающего ландшафта, одновременно расширяя для крестьян возможности неземледельческих занятий, что делало их уязвимыми в случаях падения спроса на продукцию промыслов или прекращения подвоза хлеба в связи с неурожаем в соседних губерниях.

Архангельская губерния и северные уезды Олонецкой и Вологодской губерний с преимущественно крестьянским (по сословной принадлежности) населением оказывались в сложном положении в «критические времена» именно в продовольственном отношении. Британский консул в Архангельске Д. Янг в 1918 г. был сторонником осуществления контроля над Северной Россией не военными, а экономическими методами, считая, что

⁹ Способность к самообеспечению сохранялась на протяжении всего XX века. Экономический кризис 1990-х годов способствовал массовому откату к нему: дачные участки стали «фактором натурализации» хозяйства в постсоветской России, когда более половины потребляемого населением продовольствия производилось ими самими. Ожидание экономического кризиса в 2008 году и введение санкционных режимов, затронувших продовольственное обеспечение населения, связывались с настроениями горожан вновь использовать дачи для производства продовольствия (см.: Розмаинский И.В., Ложникова А.В., Кичко Н.И., Хлопцов Д.М. Дача в постсоветской России: институциональный анализ // Journal of institutional studies. 2017. Вып. 9, № 2. С. 63–79).

¹⁰ Чудов С.И. Хлебные запасные магазины на Европейском севере России в XVIII – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2017.

¹¹ Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире: хрестоматия. М., 1992.

в условиях нарушения логистических цепочек достаточно оказать продовольственную помощь населению, получив взамен все, что англичан здесь интересовало¹².

Внутренние социальные проблемы в кризисные времена тоже в значительной степени были связаны с недостатком продовольствия. Особенность северных территорий – крайне неравномерные природные условия для занятий сельским хозяйством. Нередко в соседних волостях и даже в соседних селениях получали разный урожай: у одних весьма высокий (по сравнению со среднероссийскими показателями) – как результат тщательной обработки незначительных по площади полей при использовании большого количества удобрений¹³, у других – регулярные неурожаи из-за ранних морозов, разливов рек и т.д.

«Крестьяне так свыклись со своими неурожаями, что считают их обычным явлением»¹⁴. Существовала традиция в подобных обстоятельствах «сниматься» целыми деревнями и переходить в районы, где можно было заниматься морскими или лесными промыслами. Затем население вновь «перетекало» на старые угодья. Ограничение таких передвижений было введено в середине XVII в., и население постепенно приспособилось сочетать земледелие с сезонным отходом на промыслы. Сохраняющаяся сословная и общинная система не позволяла сменить место проживания всей семьи. В деревнях для занятий сельским хозяйством оставались женщины и старики, на заработанные мужчинами деньги покупали недостающее продовольствие. В «бесхлебные» времена, когда промыслы были неуспешными или в центральных губерниях отсутствовал хлебный избыток для продажи, приходилось рассчитывать на государственную помощь.

Государственное продовольственное обеспечение. Свидетельством такой поддержки в конце XVII в. является распоряжение архангелогородского воеводы Ф.А. Апраксина продавать хлеб посадским людям и крестьянам «из государевых житниц» в связи с «учинившимся на Двине недородом», когда скудные запасы закончились, а подвоза извне не было¹⁵. В 1764 г. появилось правительственное распоряжение купцам, торгующим хлебом, 20 % доставленной в Архангельский порт продукции оставлять «для удовлетворения местного населения»¹⁶.

Хлебный экспорт через Архангельск создавал проблемы для соседних земледельческих районов. Жители Вологды жаловались, что купцы «закупку чинят» не только в хлебобродных губерниях, но и в снабжавших городское население ближайших волостях «с возвышением цен, каковых у нас даже в самые неурожайные годы не было», поэтому горожанам «мало что остается купить»: «до того довели, что в июле ржаной муки на рынках и в лавках в продаже не было»¹⁷. В результате государству пришлось постепенно взять на себя ответственность по поддержке и остального населения региона. Идя навстречу ходатайству купцов, недовольных требованием оставлять пятую часть экспортного хлеба для пропитания местного населения, в 1802 г. из средств вывозной пошлины был устроен хлебный магазин «для продовольствия терпящих недостаток в хлебе градских обывателей» с целью не допустить спекуляции и роста цен¹⁸. В уездах и волостях «для продовольствия жителей на случай неурожая» была создана сеть хлебных магазинов (складов), которые пополнялись путем ссыпки населением части своего урожая; удельные крестьяне с 1828 г. принуждались с такой же целью к запашке общественных полей.

Деятельность казенных и общественных (городских, уездных, сельских) складов с 1803 г. находилась под наблюдением Дирекции Архангельского хлебного общественного

¹² Ротштейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию... М., 1982.

¹³ Витюгов А.А. К вопросу о положении и перспективах развития сельского хозяйства на севере // Северное хозяйство. 1924. № 2. С. 34.

¹⁴ Экономический быт сельского населения Вологодской губернии // Вологодский сборник. Вологда, 1881. Т. II. С. 4–5.

¹⁵ Цит. по: Гостев И.М. Петр I в Ар: события, реликвии, историческая память. Архангельск, 2022. С. 78.

¹⁶ О применении положения о земских учреждениях 12 июня 1894 г. к Архангельской губернии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1909. № 11. С. 12.

¹⁷ Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 18. Оп. 1. Д. 113. Л. 1 об.–2.

¹⁸ Там же.

магазина; с 1812 г. подвоз хлеба и снабжение отдаленных местностей через сеть государственных хлебных складов контролировал, регулируя тем самым цены, Комитет о продовольствии жителей Архангельской губернии¹⁹. В губернском центре, а затем и в уездах на случай непредвиденных обстоятельств был заведен продовольственный капитал, который, к примеру, использовался в 1868-й, голодный для страны год, на закупку за границей хлеба для Архангельска.

Первое время система «хлебных магазинов» была вполне устойчивой. Однако несколько сложных лет в связи с неурожаем и эпидемиями 1830-х годов привели к тому, что весь хлеб раздали в ссуды и, согласно отчету губернатора за 1842 год, магазины не имели «решительно ни запасов, ни капиталов, – кроме значительного числа недоимок, состоящих на государственных крестьянах и частью на мещанах»²⁰. В 1878 г. половину полей в губернии засеяли взятыми в ссудных хлебных кассах семенами²¹, и эти долги постоянно возрастали. В 1900-м, вполне благополучном в смысле заработков и урожайности году, за населением губернии числилось «хлебных» долгов на 1,04 млн руб.; новых ссуд было выдано 418 тыс. руб., а взыскано всего 300 тыс.²² Население, таким образом, брало хлебных ссуд больше, чем возвращало, что можно считать свидетельством иждивенческих настроений.

Иждивенчество отмечали и чиновники Вологодской губернии, где с конца XVIII в. существовала практика перераспределения продовольствия от «хлебных» волостей в пострадавшие от неурожаев. В северо-восточных уездах население регулярно сталкивалось с проблемой летних заморозков; недостаток хлеба компенсировался добавлением в муку различных растительных добавок. Эта обычная практика для центральных и губернских властей стала признаком крайнего бедствия. Узнав, что в местности Удора Яренского уезда отмечался факт употребления крестьянами в пищу подобных суррогатов, губернатор распорядился оказать помощь из хороших урожаев соседних уездов. Крестьянам продавать хлеб по фиксированным ценам было невыгодно, в чем их поддерживало и уездное начальство. В результате «яренских крестьян <...> выгоняют оттуда всегда», и уездный исправник просил губернатора либо «унять тамошнее начальство», либо для проведения закупок в хлеботородных губерниях разрешить использовать средства Приказа общественного призрения, вернув их через «семь месяцев и с процентами». Отправить за закупкой обещал известного ему лично «расторопного и справедливого человека», учредив за ним строгий надзор, «чтобы удалить от всяких прихотливых покушений»²³.

Впрочем, имея возможность получать таким образом хлеб, яренские крестьяне, по словам того же исправника, вскоре «обнадеялись, и, свой хлеб до остатка распродав, прибегают с требованиями из чужих магазинов». Просители – «иные просто распутные и ленивые, некоторые, получив из магазина хлеб, половину тут же пропивают в кабаках и продают». При этом, как отмечал исправник, у местных крестьян существовали все возможности покупать хлеб даже по дорогой цене, поскольку они имели «на безбедное пропитание источники» от собственных промыслов, а также «от порубки казенных лесов для корабельных строений; поставки в [солеваренный] завод дров; строения на сплав соли судов и работу в наем»²⁴.

В 1880-е годы крестьяне некоторых волостей часто страдавших от неурожаев северо-восточных уездов Вологодской губернии, привыкнув, что «правительство вынуждено помогать [их] продовольствию, покупая в голодные годы хлеб за счет общего по Империи продовольственного капитала <...>, посевом хлеба вообще не занимаются»²⁵.

Архангельский губернатор А.Н. Муравьев, объезжая в 1840 г. с инспекционной поездкой Кольский полуостров, вынужден был помогать оказавшимся без продовольствия сотням направляющихся на промыслы людей, выделив «из тамошнего казенного хлебного мага-

¹⁹ Упразднен после Февральской революции в связи с организацией губернского продовольственного комитета.

²⁰ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 4, т. 2. Д. 188. Л. 58 об.–60.

²¹ Обзор Архангельской губернии за 1878 год. Приложение к всеподданнейшему отчету. Архангельск, 1879.

²² ГААО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 583. Л. 27 об.–28.

²³ ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 246. Л. 2–4.

²⁴ Там же. Д. 113. Л. 38–41.

²⁵ Экономический быт сельского населения Вологодской губернии... С. 4–5.

зина» хлеб и мобилизовав для доставки его поморам лопарей с оленьими упряжками. «Успокоив <...> породившийся среди промышленников ропот», губернатор «раздал хлеб под расписки артельщиков и <...> по прибытии в Колу послал еще, сколько можно было собрать»²⁶, не озадачившись при этом вопросом, чем руководствовались люди, отправившиеся на дальние промыслы без необходимого запаса продовольствия. Впрочем, подобное «народолюбие» можно признать отличительной чертой чиновников того времени. К тому же задачей губернатора было не допустить вызванного голодом бунта, от чего могли пострадать проживавшие на Мурмане лопари и карелы, забота о которых также лежала на нем как на представителе государственной власти.

Примеров иждивенчества в архивных документах присутствует немало. Чиновники находились в замешательстве: не помочь крестьянам с получением дешевого хлеба – будут жалобы и строгие окрики из столицы; помочь – разленятся, забросят сельские занятия, окончательно распустятся от городских заработков... Для надежного обеспечения населения продовольствием предпринимались попытки распространить среди крестьян передовые формы землепашества: в удельных поместьях организовывались сельскохозяйственные школы; во второй половине XIX в., в связи с упадком морских промыслов, различными льготами пытались «приучить» к землепашеству поморов. Но эти благие намерения шли вразрез как с привычкой населения, так и с потребностями набиравшей к концу XIX в. темпы индустриализации, предоставляющей дополнительные возможности получать неземледельческие заработки.

Пароходное и железнодорожное сообщение сблизило территории, дав толчок для развития частной торговли, а крестьянам северных губерний – возможности для диверсификации источников своих заработков. Все трудовые ресурсы северных губерний были задействованы для экспортного лесопиления: лесозаготовками, сплавом леса, сезонной работой на заводах. Крестьяне восточных уездов Вологодской губернии традиционно уходили на уральские заводы; благодаря развитию транспортной сети такой отход стал еще доступнее.

С развитием частной и кооперативной торговли завозом продовольствия в отдаленные территории начали заниматься предприниматели. Даже при среднем урожае в Архангельскую губернию ввозили 30–40 тыс. т хлеба, необходимых для нормального (около 200 кг на человека) потребления. 90 % доставляли частники, остальное, в основном в труднодоступные и малонаселенные места, – Комитет о продовольствии жителей.

Несмотря на высокие транспортные расходы и определенную долю риска (спроса не будет – пропадут затраченные деньги; товаров не хватит – начнется бунт против торговца), такой завоз был достаточно выгодным для предпринимателей, которые не только доставляли и реализовывали товары, но брали подряды на лесозаготовку, нанимая рабочих под хлебный аванс, авансировали продовольствием промысловиков под будущую добычу. Для крестьян такая форма найма выступала подспорьем зимой и весной, когда собственные запасы уже закончились. А торговцам продажа на городском рынке продукции их промыслов с лихвой окупала денежный эквивалент выданного крестьянам хлеба.

Связав регионы страны, транспортная сеть усилила зависимость производящих и потребляющих территорий; крестьяне в последних уже не опасались переключаться на неземледельческие заработки, будучи уверены, что купят хлеб.

Впрочем, потенциал для самообеспечения сохранялся даже в городах. В портовом и промышленном Архангельске в конце XIX в. горожане имели приусадебные участки, держали скотину. В малых уездных городах мещане мало чем по образу жизни и занятиям отличались от крестьян, занимаясь землепашеством и луговодством на приписанных городу сельскохозяйственных землях. Но к началу XX в. «побеждает» городской быт: мещанские общины сдают поля и луга в аренду пригородным крестьянам, обеспечивавшим горожан животноводческой и огородной продукцией.

²⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 4, т. 2. Д. 189. Л. 6 об.–7.

Отход от самообеспечения начался в Первую мировую войну. Причина была не только в бесплодности полеводства в зоне рискованного земледелия: в начале XX в. Россия находилась в «полосе высоких урожаев», и в 1914–1915 гг. при незначительности в целом земледельческих площадей урожаи в северных губерниях были высокие («огромные избытки»²⁷). Но в 1916 и 1917 гг. на Севере (за исключением Сибири) в продовольственном самообеспечении фиксируются «значительные недостатки», которые Н.Д. Кондратьев связывал с демографическими изменениями; здесь произошло резкое увеличение «едоков» за счет притока беженцев, на вербованных рабочих, армейских и военно-морских частей. Переориентация значительной части мужского населения на новые виды деятельности, не имевшие сезонности (мобилизация в армию, расширение портовых, дорожных, фабрично-заводских работ), усугубила зависимость от внешних рынков.

Известная проблема нехватки вагонов для доставки хлеба в промышленные центры обострилась с конца 1916 г., а в Архангельской губернии началась раньше, уже в 1915 г. Причина заключалась в резком увеличении транспортных оборотов в связи с военными поставками союзников через северные порты. Продовольствие из центральных и южных губерний можно было завозить обратными рейсами, однако железнодорожные вагоны и трюмы судов использовались в качестве временного жилья для тысяч доставленных в эти малолюдные места рабочих.

Власти Архангельска пытались решить вопрос спекулятивного роста цен, введя карточную систему, «таксы» (предельной цены) на продукты питания и даже ограничив частную торговлю. В результате продовольственная ситуация только усугубилась.

«Вопрос о хлебе» и особенности политических процессов в северных губерниях в 1917–1920-е годы. Ни Временное, ни Советское правительства не смогли решить задачу нормального обеспечения населения. Сложности с доставкой закупленного в других регионах хлеба были связаны с «реквизициями», которые на последнем этапе войны устраивали власти транзитных губерний и уездов, решая тем самым проблему обеспечения своего населения²⁸. Вскоре захватами грузов стали заниматься и крестьяне придорожных деревень²⁹. Для доставки закупленного в Сибири продовольствия Архангельский губисполком высылал не только вагоны и паровозы, но и охрану – «ввиду частых разгромов в пути»³⁰.

К прекратившимся поставкам добавились местные неурожаи 1917 и 1918 гг., вызванные ранними заморозками. В Архангельском уезде собрали 5 % обычного урожая, в других уездах ситуация была немногим лучше. Между соседними уездами и волостями начинается настоящая борьба за продукты питания. В пострадавшем более всего от неурожая Онежском уезде другие виды продуктов (мясо, рыба) скупались торговцами из Архангельска, где продавались «по баснословно высоким ценам» – в 10–15 раз выше закупочной; «местные продавцы, узнав о ценах в Архангельске, повышают цены [в Онеге], и таким образом росту цен не видно предела...»³¹.

Власти соседних территорий пытались прийти к какому-то консенсусу, и уже весной 1917 г. собираются различные съезды для обсуждения продовольственного вопроса. Нередко они способствовали процессу распада административно-территориальных образований, поскольку обсуждение концентрировалось на «несправедливости» распределения продовольствия. Такой конфликт послужил причиной выделения пяти северо-восточных уездов Вологодской губернии в самостоятельную Северо-Двинскую, раздела надвое Холмогорского и Мезенского уездов Архангельской губернии. Распад волостей тоже начинался с претензий, что жители селений, в которых находится волостной хлебный склад, обеспечиваются лучше... В декабре 1917 г. была предпринята попытка объединения девяти северных

²⁷ Кондратьев Н.Д. Рынок хлеба и его регулирование во время войны и революции. М., 1922. С. 7, 39, 40, 44.

²⁸ В определенной степени это было связано с одним из первых советских распоряжений – Постановлением о расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле (27 октября / 9 ноября 1917 г.). URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/9615> (дата обращения: 10.06.2026).

²⁹ ГАВО. Ф. П-1332. Оп. 3. Д. 79. Л. 43.

³⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 393. Оп. 5. Д. 31. Л. 110–114.

³¹ Там же. Ф. 3811. Оп. 1. Д. 424. Л. 3–4.

европейских и северо-уральских губерний на основе продовольственного вопроса, но рассматривалось и «политическое» обособление от Советской России, предполагавшее получение продовольствия из-за рубежа в обмен на местное сырье³².

Тем временем доставка продовольствия из других районов страны осложнялась не только экономическими, но и политическими причинами. Украина по условиям Брестского мира начала поставлять хлеб в Германию, затем немецкая армия оккупировала юго-западные земледельческие районы бывшей империи. Антибольшевистским силам несложно было объяснить населению перебои с продовольствием «политикой большевиков». Продвигавшиеся к Архангельску интервенты везли хлеб и консервы, дополнительно настраивая тем самым население против большевиков, объявивших «врагом» союзников (Антанту) и отдав немцам, с которыми три года страна воевала, «житницу» – Украину.

В годы Гражданской войны контролируемые правительством Северной области (квазигосударственного объединения с центром в Архангельске) территории обеспечивались продовольственными поставками союзников на средства, полученные от экспорта северного леса и другого сырья. Контролируемая органами советской власти территория получала продовольствие по продразверстке из Вятской губернии, приставленной в качестве донора к Северному фронту. Местные власти устраивали «реквизиции» и «контрибуции» продовольственных запасов монастырей и уездных хлебных магазинов в пользу неимущего населения, а также для нужд армии.

Неожиданно усилилось и «демографическое давление» на местное сельское хозяйство, вызванное продовольственными проблемами в крупных городах. Из голодных столиц и крупных промышленных центров жители бежали в провинцию; за продовольствие они готовы были продавать все – от своего высококвалифицированного труда до драгоценностей и одежды³³. Подняв цены на продукты питания в губернских, а затем и в уездных городах, беженцы спровоцировали тяжелое продовольственное положение в деревнях, жители которых, не задумываясь о последствиях, обменивали продовольствие на обесценивающиеся деньги и не слишком нужные им товары. Выходом из создавшегося положения местным властям виделось введение ограничительных мер на вывоз из своих административных границ продовольственных запасов, запрет на въезд непродовольственного населения («едоков»), прежде всего чужого. Отказать «местным уроженцам», в том числе уже оторвавшимся от земли отходникам, было нельзя.

Особенностью северных территорий было расслоение населения не по социальному, а по территориальному принципу. Напомним, что из-за климатических условий в соседних деревнях могли существовать разные возможности для земледелия. Из неблагополучных в этом отношении поселений отход в города приобрел массовый характер, а благосостояние благодаря городским заработкам стало более высоким. В Вологодской губернии летом 1918 г. отмечалось «нищенство» жителей «богатых когда-то деньгами» волостей. Поскольку «теперь деньги ничего не стоят, а своего хлеба нет или мало», семьями направлялись «прокармливаться» в хлебные места³⁴. Под «нищенством», видимо, понималось хождение по домам с просьбой обменять на хлеб какие-то предметы одежды и утварь.

Возвращавшиеся из голодных городов отходники, по терминологии большевиков, являлись социально близкой «безземельной беднотой», а в глазах крестьян – «пьяницами и тунеядцами», которые заработанные в городах деньги тратили «на роскошь», забросив деревенское хозяйство. Подобный конфликт зафиксирован документально благодаря доставленному (через Н.К. Крупскую) на имя Ленина письму от крестьян Кадниковского уезда Вологодской губернии³⁵. «Это же факт, – пишет Крупская в Наркомат внутренних дел, – что комитеты бедноты <...> по составу – это не беднейшие крестьяне, а местные люди, забросившие хозяйство. Тут и охранники, скрывающиеся в деревне, тут бывшие швейцары, дворники и кое-какая интеллигенция контрреволюционная, которая набилась в деревни...»³⁶.

³² ГААО. Ф. 50. Оп. 5. Д. 61.

³³ ГАВО. Ф. П-1332. Оп. 3. Д. 8. Л. 45.

³⁴ С дороги // Вольный голос Севера. 1918. 22 (9) июня.

³⁵ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 10. Д. 69. Л. 40–61.

³⁶ Там же. Л. 60, 63.

С другой стороны, крестьяне с крепким хозяйством в глазах как властей, так и сельской бедноты считались «помещиками», поскольку, помимо наделной земли, владели и частной, т.е. расчистками, составлявшими в Архангельской губернии 27 % «полезной» площади и достававшимися крестьянам высокими финансовыми и трудовыми затратами³⁷. Местная «гражданская война» в северных губерниях выражалась в требованиях «справедливых переделов» и разверстки налогов и контрибуций в повышенном размере на земледельческие волости.

Социальным последствием продовольственной проблемы стало «окрестьянивание» горожан, обострившее взаимоотношения между городом и деревней. Принадлежащие мещанским общинам земельные угодья находились в аренде у крестьян ближайших волостей, которые, пользуясь революционными событиями, – где безвластием, а где, напротив, поворачивая в свою пользу законы новой власти, – забирали эту землю себе на основании «трудового права». Зависимость от поставок из села делала горожан уступчивыми при решении спорных вопросов. Когда в декабре 1917 г. городская власть г. Пинеги пыталась ввести первоочередное обеспечение продовольствием горожан в ущерб сельскому населению, против этого выступили сами горожане, опасаясь ответных мер со стороны деревни³⁸.

Населению губернских центров предлагалось «в связи с продовольственным кризисом заниматься самообеспечением»: разводить огороды, заводить скот. Вологодская губернская дума летом 1918 г. сетовала: «...некоторые граждане преступно не используют имеющиеся у них свободные участки земли», предлагая их конфискацию и передачу желающим трудиться³⁹. В Архангельске появились «изрытые под огороды дворы, площади, даже часть улиц на окраинах, где летом цвела картошка, лук, морковь и прочие северные овощи...»⁴⁰. 11 % архангелогородцев и 19 % горожан Олонецкой губернии в 1920 г. «так или иначе занимаются сельским хозяйством»⁴¹.

Продовольственный вопрос оказал существенное влияние на ход боевых действий в условиях Гражданской войны. Центральная власть требовала продовольствия для армии и промышленных центров, и блюстители государственных интересов вступали в конфликт с местными властями, ставящими во главу угла благополучие своего населения. Большевики обвиняли их в «местничестве», требовали срочной замены⁴². В Архангельске городская власть оказалась в руках «пришлых» элементов, принявших в мае 1918 г. решение отправить имеющиеся в городе и губернии скудные ресурсы в помощь «голодающему Петрограду», тем самым обозлив местных рабочих⁴³, что фактически привело к падению советской власти.

Продовольственные проблемы все чаще становились основным поводом к бунтам населения, возмущениям в армии. Приходилось перебрасывать имеющееся продовольствие туда, где возникала напряженная ситуация, создавая тем самым новые сложности. Крестьянские бунты тоже возникали преимущественно в связи с вывозом собранного у населения, якобы для сохранности, семенного зерна в другую (голодающую) волость. Возникшую летом 1918 г. в Вологде опасность солдатского бунта на почве отсутствия продовольствия ликвидировали, доставив хлеб из Архангельска, чем было спровоцировано недовольство населения, поддержавшего, в конце концов, белогвардейский переворот.

По мнению современников, красные не особо и защищали Архангельск, не желая решать продовольственных проблем населения. В Гражданскую войну крестьяне научились видеть причину отступления армией с их территорий в отсутствии продовольствия и стремлении оставить заботу о населении неприятелю. В отдаленных уездах местная «гражданская война» велась партизанскими отрядами и нередко мотивировалась захватом у противника продовольствия. Когда армия уходила, следовало ожидать прихода партизан из обобщранной

³⁷ Стахов В. Два года землеустройства в Архангельской губернии // Северное хозяйство. 1925. № 3. С. 25.

³⁸ ГААО. Ф. 301. Оп. 1. Д. 3. Л. 55, 56 об. – 57.

³⁹ От Вологодской губернской думы // Вольный голос Севера: областная крестьянская газета. 1918. 1 июня.

⁴⁰ ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 741. Л. 27–29.

⁴¹ Статистический обзор Автономной Карельской ССР. 1923–1924 г. Петрозаводск, 1925. С. 21.

⁴² ГАВО. Ф. П-1332. Оп. 3. Д. 6. Л. 160–161.

⁴³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 67. Оп. 1. Д. 25. Л. 1.

волости⁴⁴; отсюда недовольство отступлениями, которое, к примеру, привело к восстанию в «красных» волостях Пинежского уезда с целью его не допустить⁴⁵. Службу в армии местное население воспринимало как форму заработка. Привлекательнее было числиться «партизаном», поскольку это давало возможность получать паек, находясь дома. Партизан не только обеспечивал семью, но защищал ее от нападений «враждебной» волости. При переброске воинских подразделений такие комбатанты дезертировали и нередко вступали в ряды другой армии, занявшей их деревню, даже если недавно с ней воевали. При недостатке мобилизационных ресурсов такой набор устраивал и белых, и красных.

Отсутствие привычных заработков, позволявших населению закупать недостающий хлеб, недостаток этого хлеба сделали северных крестьян в период Гражданской войны сговорчивыми; они не отказывались от любых работ для фронта (была ли заказчиком белая армия или красная), получая за это продовольственные пайки. Питание выступало и в качестве мотивации вступления в ту или иную армию. Белая снабжалась лучше, поэтому часты были «переходы» в нее красноармейцев.

Вопрос обеспечения продовольствием стал важным мотиватором привлечения на свою сторону населения и для интервентов. Англичане, взявшие на себя дело закупки и доставки продовольствия в Северную область, справлялись с ним не очень хорошо, поставляя непривычные населению и нередко некачественные продукты, чем пользовались большевистские агитаторы, настраивая население против «союзников».

Для обеспечения лояльности населения на контролируемой красными прифронтовой территории также требовалось продовольствие. Если не было возможности доставить хлеб, агитаторы-большевики утверждали, что его в Советской России в избытке, целые вагоны с продовольствием стоят на ближайшей железнодорожной станции, но «мешает белая волость», не пропуская этот «красный» груз⁴⁶. В Печорском уезде удалось успокоить население, перехватив «200 тыс. пудов хлеба, которые белые пытались погрузить на пароходы»⁴⁷. Во время рейда на «белую» сторону Пинежского уезда захватили 25 тыс. пудов муки – это не только позволило накормить армию и обеспечить население «красных» волостей, но и мотивировать войска с присоединившимися к ним красными партизанами к дальнейшему наступлению, поскольку там «имеются довольно значительные запасы муки, и с занятием Пинеги дело обеспечения уезда продовольствием будет обстоять значительно лучше»⁴⁸. Густонаселенные Онежский и Шенкурский уезды находились в относительной близости к транспортным путям, что позволяло подвозить продовольствие из Вятской губернии, «приписанной» к Северному фронту. Население не особо задумывалось, какими способами этот хлеб выбивали из вятских крестьян.

Впрочем, как только с освобождением Архангельска закончилась Гражданская война, система продовольственной разверстки была распространена и здесь, в том числе на промысловые уезды. За неимением хлеба требовали рыбу, дичь, продукцию животноводства, ягоды, грибы. Предполагалось поставить население наряду с горожанами на государственное обеспечение. Однако тяжелая экономическая ситуация не позволила реализовать эти намерения. В поморских селах одновременно «социализировались» промыслы, в результате чего власти не только изъяли всю рыбу, но и лишили население орудий труда для ее добычи. Крестьянам промысловых районов нечего было предложить в обмен на хлеб, а население земледельческих уездов не располагало хлебными излишками для такого обмена. Весной 1922 г. в поморских волостях Архангельской губернии голодала практически половина жителей⁴⁹. Архангельская губерния, как бывало прежде, могла бы закупить продовольствие

⁴⁴ Новикова Л.Г. Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на русском Севере, 1917–1920. М., 2011.

⁴⁵ Трошина Т.И. Пинежские «валеты»: восстание перевертышей в ноябре 1919 г. // Родина. 2011. № 2. С. 93–97.

⁴⁶ ГААО. Ф. 157. Оп. 1. Д. 13-а. Л. 72, 74, 76.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 67. Оп. 1. Д. 25. Л. 13–16.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ ГААО. Ф. 359. Оп. 1. Д. 40. Л. 99–101; ГААО. Отдел документов социально-политической истории. Ф. 1. Оп. 1. Д. 566. Л. 48, 81.

за границей. Но не было валюты, а добыть экспортные товары (лес, пушнину), обменяв на хлеб, специально выделенный для этих целей Совнаркомом, не удалось из-за развала транспорта и дорожного хозяйства.

Еще одним последствием продовольственного кризиса для непродовольственных губерний стал отток населения. Схожая ситуация уже отмечалась во второй половине XIX в., когда падение значения Архангельска как крупного промышленного центра надолго погрузило в рецессию соседние губернии, население которых традиционно жило за счет «архангельских» работ. В 1870-е годы 6 % населения Усть-Сысольского уезда «в видах изыскания более удобных мест для поселения» ушли «в соседние Сибирские губернии»⁵⁰. В 1917–1918 гг. фиксировалось «переселение в Сибирь» вологодских крестьян, которые «бросают домашнее хозяйство, распродают что можно за бесценок и целыми семьями едут на жительство в “хлебные места”». Введенный запрет не пугал: «...направляются на авось, рассуждая, что умирать все равно где <...> Есть волости, из которых переселилось около трети жителей»⁵¹. В 1920-е годы в связи со «слухами, что в Поволжье и на Кубани много пустующих земель сельскохозяйственного значения с готовыми постройками и инвентарем», наблюдалось стремление к переезду шенкурских крестьян⁵². Источники не объясняют, чем руководствовалось население. Возможно, информацией о столыпинских переселениях или представлением о сытой жизни в Сибири, откуда доставлялся экспортный хлеб.

В условиях нэпа у северных крестьян обнаружилась «тяга к земле», что вступало в противоречие с потребностью государства обеспечить бесперебойную заготовку здесь экспортного сырья. Вместе с тем немаловажно было сохранить способность населения к самообеспечению за счет сельского хозяйства как дополнительного занятия. Есть основание считать, что потребность в регулярных и дешевых поставках сырья для экспортного лесопиления служило основной мотивацией для коллективизации северных крестьян⁵³. Потребителями колхозной сельхозпродукции выступали размещенные здесь воинские части, исправительно-трудовые лагеря, городское население. Но основным государственным заданием для колхозов, во всяком случае в 1930–1950-е годы, стали лесозаготовки.

Заключение. Формирование культурно-аграрного населения северных территорий России формировалось в общем русле адаптации к природно-климатическим условиям, предполагавшем сочетание здесь земледельческих занятий с различными промыслами. Развитие промышленности и внешней торговли придало региону важное значение сырьевого придатка для решения государственных задач, что предполагало сохранение здесь населения, привлекаемого к неземледельческим занятиям. Жители рискованных в плане земледеления территорий постепенно привыкали к мысли, что задача их продовольственного обеспечения в неурожайные годы лежит на правительстве и губернской власти. Доставка продовольствия в обычное время производилась торговцами, которые помогали крестьянам реализовать продукцию их промыслов. Любой сбой в этой на первый взгляд стройной системе мог привести к недовольству населения – как властью, так и «миroeдами» (торговцами, подрядчиками). Подобные взрывы народного негодования происходили довольно часто, иногда по незначительным поводам. Но на последнем этапе Первой мировой войны они вполне органично влились в общенациональный революционный протест.

В условиях развала государственной машины и близкой к коллапсу хозяйственной жизни страны местные власти (на уровне губерний, уездов, волостей) предпринимали собственные усилия для решения вопроса о продовольственном обеспечении населения, что создавало угрозу политического развала страны. В северных губерниях население активно возвращалось к земледелию, не имея других видов заработка, что особенно усилилось в

⁵⁰ Экономический быт сельского населения Вологодской губернии... С. 7.

⁵¹ Орлов Н.А. Продовольственная работа советской власти. К годовщине Октябрьской революции. М., 1918. С. 49.

⁵² Туфанов П. Переселенческое движение в Шенкурском уезде // Северное хозяйство. 1924. № 6. С. 39, 101; Переселенческое стремление // Северное хозяйство. 1924. № 1. С. 101.

⁵³ Трошина Т.И., Морозова О.М. «Кризис нэпа» в северной деревне, или «пролетаризация» крестьян как специфическая форма «раскрестьянивания» в неземледельческих районах в интересах индустриализации // Крестьяноведение. 2024. Т. 9, № 4. С. 122–143.

начальный период нэпа. Экономическое восстановление государства потребовало возвращения региону сырьевого и промышленного значения. Можно сказать, что исторический процесс спиралевидно завершился, вернувшись к сложившимся формам адекватного существования населения в условиях Севера, предполагающего диверсификацию занятий и способов заработка.

Литература

Блиох И.С. Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношении. СПб.: Тип. И.А. Ефрона, 1898. Т. 4. 686 с.

Васильев В.В. Ретроспективный анализ этапов формирования «северного завоза» на севере России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2018. № 2 (58). С. 146–155.

Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире: хрестоматия / сост. Т. Шанин. М.: Прогресс-Академия, 1992. 432 с.

Голодовки в истории России XVIII–XX веков: мат-лы VIII Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Г.Е. Корнилова, В.А. Лабузова. Оренбург, 2013. 271 с.

Гостев И.М. Петр I в Архангельске: события, реликвии и историческая память. Архангельск, 2022. 304 с.

Козлов В.Ф. Экономические проблемы продовольственного обеспечения Европейского Севера в условиях социально-экономической нестабильности (на материалах Архангельской области): дис. ... д-ра экон. наук. Архангельск, 2000. 320 с.

Кондратьев Н.Д. Рынок хлеба и его регулирование во время войны и революции. М.: Новая деревня, 1922. 350 с.

Кондрашин В.В., Корнилов Г.Е. История голода и эпидемий в России: историографическая ситуация // Уральский исторический вестник. 2021. № 1 (70). С. 6–13.

Кузищин В.И. Угроза голода как фактор исторического развития // Вестник Московского университета. Сер.: История. 2009. № 7. С. 41–48.

Марченя П., Разин С., Ионов И. Крестьянство и власть в истории России XX века: По итогам международного круглого стола // Общественные науки и современность. 2012. № 3. С. 79–95.

Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 632 с.

Новикова Л.Г. Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на русском Севере, 1917–1920. М.: НЛО, 2011. 384 с.

Орлов Н.А. Продовольственная работа советской власти. К годовщине Октябрьской революции. М., 1918. 398 с.

Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России. Власть и массы. М.: РКТ-История, 1997. 270 с.

Прасулов В.И., Кашурников С.Н. Риски продовольственной безопасности в России в условиях санкций // Прикладные экономические исследования. 2016. № 4 (14). С. 17–23.

Розмаинский И.В., Ложникова А.В., Кичко Н.И., Хлопцов Д.М. Дача в постсоветской России: институциональный анализ // Journal of institutional studies: журнал институциональных исследований. 2017. Вып. 9, № 2. С. 63–79.

Ротштейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию... / пер. с англ. М.: Прогресс, 1982. 192 с.

Рясков С.А. Система жизнеобеспечения закрытых городов Урала. Екатеринбург, 2004. 60 с.

Сорокин П.А. Голод как фактор: влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М.: Академия, 2003. 684 с.

Трошина Т.И. Пинежские «валеты»: восстание перевертышей в ноябре 1919 г. // Родина. 2011. № 2. С. 93–97.

Трошина Т.И., Морозова О.М. «Кризис нэпа» в северной деревне, или «пролетаризация» крестьян как специфическая форма «раскрестьянивания» в неzemледельческих районах в интересах индустриализации // Крестьяноведение. 2024. Т. 9, № 4. С. 122–143.

Туган-Барановский М.И. Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии // Вопросы мировой войны. Петроград: Право, 1915. Т. 2. С. 269–324.

Федоров А.Н. «Стратегии выживания» российского горожанина в условиях революционных перемен (1917–1920 годы) // Исторический ежегодник. Новосибирск: РИПЭЛ, 2008. С. 110–124.

Чудов С.И. Хлебные запасные магазины на Европейском севере России в XVIII – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2017. 206 с.

References

Bliokh, I.S. (1898). *Budushchaya voyna v tekhnicheskoy, ekonomicheskoy i politicheskoy otnoshenii* [The Future War in Technical, Economic, and Political Respect]. St. Petersburg. Vol. 4. 686 p.

Chudov, S.I. (2017). *Khlebnye zapasnye magaziny na Evropeyskom severe Rossii v XVIII – nachale XX vv.* [Grain Reserve Stores in the European North of Russia in the 18th – Early 20th Centuries]. Cand. hist. sci. diss. Izhevsk. 206 p.

Fedorov, A.N. (2008). “Strategii vyzhivaniya” rossiyskogo gorozhanina v usloviyakh revolyutsionnykh peremen (1917–1920 gody) [“Survival Strategies” of the Russian City Dweller in the Context of Revolutionary Change (1917–1920)]. In *Istoricheskiy ezhegodnik*. Novosibirsk, RIPEL, pp. 110–124.

Gostev, I.M. (2022). *Petr I v Arhangel'ske: sobytiya, relikvii i istoricheskaya pamyat'* [Peter the Great in Arkhangelsk: Events, Relics, and Historical Memory]. Arkhangelsk. 304 p.

Kondrashin, V.V., Kornilov, G.E. (2021). *Istoriya goloda i epidemiy v Rossii: istoriograficheskaya situatsiya* [The History of Famine and Epidemics in Russia: A Historiographic Situation]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 1 (70), pp. 6–13.

Kondratiev, N.D. (1922). *Rynok hleba i ego regulirovanie vo vremena voyny i revolyutsii* [The Bread Market and Its Regulation during War and Revolution]. Moscow, Novaya Derevnnya. 350 p.

Kornilov, G.E., Labuzov, V.A. (Eds.). (2013). *Golodovki v istorii Rossii XVIII–XX vekov* [Famine in the History of Russia in the 18th–20th Centuries]. Orenburg. 271 p.

Kozlov, V.F. (2000). *Ekonomicheskie problemy prodovol'stvennogo obespecheniya Evropeyskogo Severa v usloviyakh sotsial'no-ekonomicheskoy nestabil'nosti (na materialakh Arhangel'skoy oblasti)* [Economic Problems of Food Security in the European North in the Context of Socioeconomic Instability (Based on Materials from the Arkhangelsk Region)]. Dr. econ. sci. diss. Arkhangelsk. 320 p.

Kuzishchin, V.I. (2009). *Ugroza goloda kak faktor istoricheskogo razvitiya* [The Threat of Famine as a Factor in Historical Development]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya Istoriya*. No. 7, pp. 41–48.

Marchenya, P., Razin, S., Ionov, I. (2012). *Krest'yanstvo i vlast' v istorii Rossii XX veka: Po itogam mezhdunarodnogo kruglogo stola* [Peasantry and Power in the History of 20th Century Russia: Based on the Results of the International Round Table]. In *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 3, pp. 79–95.

Narsky, I.V. (2001). *Zhizn' v katastrofe: budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg.* [Life in Disaster: Everyday Life of the Ural Population in 1917–1922]. Moscow, ROSSPEN. 632 p.

Novikova, L.G. (2011). *Provintsial'naya “kontrrevolyutsiya”: Beloe dvizhenie i Grazhdanskaya voyna na russkom Severe, 1917–1920* [Provincial “Counterrevolution”: The White Movement and the Civil War in the Russian North, 1917–1920]. Moscow, NLO. 384 p.

Orlov, N.A. (1918). *Prodoval'stvennaya rabota sovetskoy vlasti. K godovshchine Oktyabr'skoy revolyutsii* [Food Work of the Soviet Government. On the Anniversary of the October Revolution]. Moscow. 398 p.

Pavlyuchenkov, S.A. (1997). *Voennyi kommunizm v Rossii. Vlast' i massy* [War Communism in Russia. Power and the Masses]. Moscow, RKT-History. 270 p.

Prasulov, V.I., Kashurnikov, S.N. (2016). Riski prodovol'stvennoy bezopasnosti v Rossii v usloviyakh sanktsiy [Food Security Risks in Russia under Sanctions]. In *Prikladnye ekonomicheskie issledovaniya*. No. 4 (14), pp. 17–23.

Rotstein, E. (1998). *Kogda Angliya vtorglas' v Sovetskuyu Rossiyu...* [When England Invaded Soviet Russia...]. Moscow, Progress. 192 p.

Rozmainy, I.V., Lozhnikova, A.V., Kichko, N.I., Khloptsov, D.M. (2017). Dacha v post-sovetskoy Rossii: institutsional'nyy analiz [The Dacha in Post-Soviet Russia: An Institutional Analysis]. In *Journal of institutional studies: zhurnal institutsional'nykh issledovaniy*. Vol. 9, No. 2, pp. 63–79.

Ryakov, S.A. (2004). *Sistema zhizneobespecheniya zakrytykh gorodov Urala* [Life Support System of Closed Cities in the Urals]. Yekaterinburg. 60 p.

Shanin, T. (1992). *Velikiy neznakomets. Krest'yane i fermery v sovremennom mire* [The Great Stranger. Peasants and Farmers in the Modern World]. Moscow, Progress Academy. 432 p.

Sorokin, P.A. (2003). *Golod kak faktor: vliyaniye goloda na povedeniye lyudey, sotsial'nyuyu organizatsiyu i obshchestvennyuyu zhizn'* [Hunger as a Factor: The Impact of Famine on Human Behavior, Social Organization and Public Life]. Moscow, Academy. 684 p.

Troshina, T.I. (2011). Pinezhskie “valety”: vosstanie perevertyshey v noyabre 1919 g. [The Pinega “Jacks”: The Revolt of the Rebels in November 1919]. In *Rodina*. No. 2, pp. 93–97.

Troshina, T.I., Morozova, O.M. (2024). “Krizis nepa” v severnoy derevne, ili “proletarizatsiya” krest'yan kak spetsificheskaya forma “raskrest'yanivaniya” v nezemledel'cheskikh rayonakh v interesakh industrializatsii [“The NEP Crisis” in the Northern Village, or the “Proletarianization” of Peasants as a Specific Form of “De-Peasantization” in Non-Agricultural Areas in the Interests of Industrialization]. In *Krest'yanovedenie*. Vol. 9, No. 4, pp. 122–143.

Tugan-Baranovsky, M.I. (1915). Vliyaniye voyny na narodnoye khozyaystvo Rossii, Anglii i Germanii [The Impact of War on the National Economies of Russia, England, and Germany]. In *Voprosy mirovoy voyny*. Petrograd, Pravo. Vol. 2, pp. 269–324.

Vasil'ev, V.V. (2018). Retrospektivnyy analiz etapov formirovaniya “severnogo zavoza” na severe Rossii [Retrospective Analysis of the Stages of the Formation of the “Northern Delivery” in the North of Russia]. In *Sever i rynok: formirovaniye ekonomicheskogo poryadka*. No. 2 (58), pp. 146–155.